

Верность

Верность

Участвующие:

Константин Иванович.

Марья Гавриловна.

Даля.

Лялин, писатель.

Диалектов.

Царевна.

Евдокия.

I

Март, пять часов дня Большая комната в квартире Константина Ивановича. Первый этаж особняка. Обстановка простая, в сероватых тонах Видна терраса в снегу, сад, голые ветви деревьев. От зари пепельно-розовый отсвет. Константин Иванович и Евдокия сидят на диване Евдокия курит.

Константин Иванович. Видите, седой волос. У Мари вчера я тоже нашел седую прядь. Вот оно, время-то.

Евдокия. Вовсе вы и не так почтенны. Сколько вам?

Константин Иванович. Тридцать пять.

Евдокия. Ну, конечно.

Константин Иванович. Да, а у Мари эта седина мне понравилась.

Евдокия. Это почему?

Константин Иванович. Делает человека значительней. Будто знак каких-то душевных заслуг.

Евдокия. Благодарю покорно за эти заслуги. Выдумки! Просто устанет, натерпится и седеет. Обыкновенно из-за вас же, мужчин.

Константин Иванович. Так и знал — проборка. Простите, ради Бога, что нравится седой локон. Ради Бога, простите.

Евдокия. Хорошо, я вот что хочу знать: Маша-то, по-вашему, счастлива? Или нет?

Константин Иванович. Счастлива ли? До сих пор хорошо жили. А последнее время...

Евдокия. Ну?

Константин Иванович. Да ничего. Как-то слишком ровно. Точно рельсы — и по ним катишь.

(Евдокия неодобрительно качает головой. Константин Иванович прохаживается)

Константин Иванович. Может быть, это и хорошо... но человеку мало. Это и Маша чувствует. Видите *(показывает на сад)*, красная заря. Хочется чего-то такого... необыкновенного. Я знаю, вы не одобряете.

Евдокия *(тушит папироску)*. Не одобряю. Это от сытой жизни... романтизмы всякие.

Константин Иванович. «С жиру бесишься». *(Пробует мускулы на руках.)* Да не особенно жирен, право.

Евдокия. Не в том дело. Вы избалованы — мускулы тут ни при чем. А Маши-то нет.

Константин Иванович. Она на выставке. Сегодня Союз, открытие. *(Слышен звонок; горничная бежит отворять.)* Наверно, она.

(Входит Марья Гавриловна, в весеннем туалете, большой шляпе.)

Константин Иванович. Здравствуй, друг. *(Подходит к ее руке и целует.)*

Марья Гавриловна. Здравствуйте. Кто это там на диване? А, Евдокиша! *(Обнимаются, крепко целуют друг друга.)*

Евдокия. Наконец, тебя дождалась. Меня твой муж тут занимал, да, кажется, я ему надоела.

Константин Иванович. Ложь! Сама меня ругала за каждое слово. *(Смеется, идет к выходу.)*

Марья Гавриловна. Костя, погоди. Ты из дому не уйдешь?

Константин Иванович. Нет. А что?

Марья Гавриловна. Я на выставке встретила Царевну, она обещалась через полчаса зайти, с Далея. Что-то нужно тебе сказать.

Константин Иванович. Отлично. *(Уходит.)*

Евдокия. Успел уже похвастаться, что у тебя какая-то седая прядь. Будто особенно это умно, прекрасно... Ну, покажись?

Марья Гавриловна *(улыбаясь)*. А ты свирепая, как всегда, на Костю страху нагнала.

Евдокия. На них не очень-то нагонишь. Я не люблю мужчин, ты знаешь. Я про твоего не говорю, а так вообще... козлы.

Марья Гавриловна *(смеется)*. Козлы! Ты выдумашь. А однако, нам без них трудно.

Евдокия. Сами виноваты. Лезете очень, избаловали. Они и зазнались.

Марья Гавриловна. Да ничего не поделаешь, видно, так уж мы созданы.

Евдокия. А, ничего не созданы! Все это слова. Всегда можно себя поставить.

Марья Гавриловна. Ты, Евдокия, умная и, должно быть, сильная женщина, ты другое дело. А я не умею. Конечно, это глупо и обидно... но что я без Константина, например? Что я из себя изображаю?

Евдокия. Учили нас плохо. Бабы мы.

(Марья Гавриловна садится в кресло, вытянув руки. Вид у ней усталый и тихий)

Марья Гавриловна. Почему Константин заговорил о седине? Ему обидно, что ли, что я седею?

Евдокия. Напротив. Нравится. Говорит, что это именно очень хорошо.

Марья Гавриловна *(усмехается)*. Чудак. Что ж хорошего? *(Помолчав.)* Мне кажется, вообще, Константин неспокоен. Что-то у него есть на душе. Ах, Евдокиша, иногда я тебе завидую, что ты живешь так — одна, никого не любя, от себя самой зависишь...

Евдокия. И нужно завидовать. Ты мне миллион дай, не буду ни с кем вместе жить. Прежде любила — теперь довольно.

Марья Гавриловна. Холодно так, неприютно. Я не могу. Задохнешься. Тоска возьмет... нет, брр...

Евдокия. Когда работаешь, некогда тосковать.

Марья Гавриловна. Нет, без любви плохо.

Евдокия. Да вот ты, например, что ты — счастлива?

Марья Гавриловна. Когда седеешь, счастливой быть поздно. Но все же, если любила, есть хоть чем помянуть жизнь. Даже страдания любви вспоминаются потом иначе.

Евдокия. Пустяки рассказываешь.

(Медленно входит Диалектов Он одет в блузу и близорук)

Марья Гавриловна. Здравствуйте, Александр Григорьевич. *(Евдокии.)* Позволь тебе представить, Евдокия, самый ученейший отшельник, Александр Григорьевич Диалектов.

(Диалектов неловко кланяется.)

Диалектов. Константин Иванович дома?

Марья Гавриловна. Дома.

Диалектов. Мне нужно бы его повидать. Может быть, он занят? Тогда в другой раз.

Марья Гавриловна. Нет, наверно, сейчас придет. А вы пока посидите с нами. Если не соскучитесь.

Диалектов. Я могу.

Марья Гавриловна *(усмехаясь)*. Александр Григорьевич, вот вы, наверно, очень преданы любви? Правда?

Диалектов. Я не понимаю вопроса.

Евдокия. Вы не женаты, конечно?

(Диалектов безнадежно машет рукой.)

Марья Гавриловна. Почему презрение такое?

Диалектов. Нет, я лучше убить себя дам, только не женюсь.

Марья Гавриловна. И детей не любите?

Диалектов. Нет, нет, ужас один. Пищат; тащут все. Мне покой нужен.

Евдокия. Так-с.

Диалектов. А там пойдет гвалт, разные семейные истории... О, Господи.

Марья Гавриловна. Да ведь одному скучно?

Диалектов. Я в прошлом году снял комнату. Комната была ничего себе. Ну. И вдруг, оказывается, хозяйка музыкантша. Чуть с ума меня не свела, уверяю вас. Должен был съехать.

Марья Гавриловна. К чему вы все это?

Диалектов. Как к чему? *(Помолчав.)* А вдруг жена в консерваторию поступит?

(Марья Гавриловна и Евдокия смеются)

Диалектов. Вам смешно, потому что вы не работали над книгами. А мне это невыносимо.

Евдокия. Если вы женитесь, я не позавидую вашей жене.

Диалектов. Не женюсь я.

Евдокия. Ого!

Марья Гавриловна. Что ваша работа?

Диалектов. Ничего. Мне хотелось достать у Константина Ивановича Соловьева. Вы не знаете, есть у него?

Марья Гавриловна *(весело)*. Есть. Не притворяйтесь, просто с нами скучно. *(Входит Константин Иванович.)* Вот и друг ваш. Костя, к тебе Александр Григорьевич по делу.

(Несколько времени они с Евдокией сидят, разговаривая между собой, потом уходят.)

Константин Иванович. Come sta, egreggio?

Диалектов *(конфузливо)*. Я по-итальянски еще не учился, не понимаю, что вы спросили.

Константин Иванович. Спрашиваю про здоровье. Вид у вас неважный, такой вы согбенный, удрученный премудростями.

Диалектов. Да, плохо. *(Садится и подпирает голову рукой.)*

Константин Иванович. Я сам сегодня ослаб. С вами бывает, что вдруг найдет такая тупость... Ноет, ноет в сердце. Не знаешь, куда деться. Если бы Евдокия тут была, она выругала б меня, разумеется, за распущенность. А при вас можно. *(Ложится на диван.)* Расскажите мне что-нибудь хорошее.

Диалектов. Знаете, Константин Иванович, у меня к вам небольшая просьба: нельзя ли, если у вас есть, взять на некоторое время Соловьева?

Константин Иванович *(привстает на локти, потом опять ложится, хохочет)*. Ах, Диалектыч! Вечно-равный, мудро блаженный! Что вы сделали б сейчас, если б случилось землетрясение? Побежали бы домой спасать книжки. Так. Вот жизнь, я понимаю. Постоянно он что-нибудь пишет, что-нибудь выискивает... завидно на вас, право.

(Диалектов смущенно смеется)

Константин Иванович. Соловьев у меня есть, я дам вам его, разумеется. Но сейчас лень вставать. Пойдите в мою комнату, там на средней полке, в зеленых переплетах.

(Диалектов ободрительно поддакивает головой. При последних словах медленно и грузно выходит)

Диалектов *(в дверях)*. Мне можно там посмотреть? Здесь стало темно, я плохо вижу.

Константин Иванович. Пожалуйста.

(Константин Иванович лежа курит. Сумерки сгущаются. В окно виден тонкий бледный месяц. На полу от него легкое сиянье.)

Марья Гавриловна *(входя)*. Ты здесь, Константин?

Константин Иванович. Здесь.

Марья Гавриловна. Один? Что ты тут делаешь?

Константин Иванович. Диалектов ушел смотреть книги, я валяюсь. Поди сюда, Мари. Сядь ко мне.

(Марья Гавриловна, подходит.)

Марья Гавриловна. Что, друг, лежите... размышляете?

Константин Иванович. Курю, Мари. Вот сумерки, месяц вышел. Смотри, какой он чистый, нежный.

Марья Гавриловна. Да, хорошо. *(Помолчав.)* Только не заглядывайся на него.

Константин Иванович. Почему?

Марья Гавриловна. Я только что смотрела в своей комнате. Весенний, молодой месяц. Вспомнишь жизнь — защежит сердце. Не воротишь что было. Никак.

Константин Иванович *(тихо)*. Никак.

Марья Гавриловна. Не вернешь вечера, когда мы помирились после ссоры, глядели так же

на месяц... и плакали. Какие это были слезы! Теперь уж не заплачем, Константин. Не те мы. Вот она седина, которую ты хвалил нынче. *(Протягивает ему прядь.)*

Константин Иванович. Скажи мне, Мари, тебе плохо жить со мной? Говори, ты неправды не скажешь, я знаю.

Марья Гавриловна. Отчего же... Ты меня любишь... А вообще — я много думаю о жизни и не могу сказать, чтоб счастье было особенно легко. Оно дается редко. И минутой. А в известное время улетает. Так свободно улетает, легко... как радужный пузырь из соломинки. *(Встрепенувшись.)* Ты не подумай, что я говорю про нас. Я вообще. Я-то счастлива уже тем, что люблю тебя, такого... *(Наклоняется к нему, целует в лоб)* такого дорогого человека.

Константин Иванович. Мари, Мари... Как я тебя люблю... Мы утомились несколько, устали... но это пройдет. Вновь чувство будет ярко. *(Целует ей руку.)* Жизнь моя, молодость, счастье — это ты.

Марья Гавриловна. Спасибо, друг. Ну, прости, мне нужно... к Евдокии. *(Обнимает его и уходит.)*

Константин Иванович. Мари несчастна... Милая Мари, с бледными руками. *(Встает, подходит к окну и смотрит.)* А почему? Случилось что-нибудь? *(Недоуменно пожимает плечами.)* Я люблю ее очень, очень... Но почему печаль появилась в моей любви?.. Почему? *(Наклоняется к цветам.)* Гиацинты пахнут, сладко, пьяно... но от них сердце болит еще сильнее.

(Стоит молча, потом напевает: «Звезда-а вече-ерня-я моя, ты закатила-ась на-ав-сегда-а.»)

(За дверьми шум, смеются, потом голос Марьи Гавриловны. «Сюда, пожалуйста.» У входа появляются Марья Гавриловна, Царевна, Даля.)

Царевна. Фу, сурок, забился куда-то, его и не найдешь. Марья Гавриловна. Дуня, дайте лампу.

(Горничная вносит лампу)

Царевна *(хлопая его шаловливо огромной бархатной муфтой).* Хорош, я удостоила его визитом, привела Дальку, а он хоть бы что.

Константин Иванович. Ты хочешь, чтобы я на стену лез? Дудки!

Царевна. Пахнет у него гиацинтами, поэтический полумрак. Вздыхал тут, что ли?

Константин Иванович. Помолчи лучше, болтун. Скажи ты, как поживает «наш высокоталантливый»? Говорят, он тоже сюда приехал?

Царевна. Да, я к тебе от него. Он на тебя сердит, сказал, что больше не будет отписок посылать, потому что ты ни гу-гу. Мог бы, говорит, написать пару слов. Знает, что мне интересно.

Константин Иванович. А если ругаться буду?

Царевна. Все равно. Если друг, должен правду говорить.

Константин Иванович. Ну, виноват, действительно. Мне и вещь-то как раз понравилась. Ленъ,

не могу собраться. Ты ему так и скажи.

Марья Гавриловна *(Дале)*. Как вам показался Союз?

Даля. Мне очень нравится.

Царевна. Надоели все эти Союзы. Сегодня вернисаж. Все ходят истуканами, мужчины шепчутся, только и приехали все друг другу показаться.

Марья Гавриловна *(с улыбкой)*. Не тебе бы говорить, Царевна *(Константину Ивановичу)*. Приезжаю я, она бродит по залам, в лорнет стреляет...

Царевна. Я люблю лорнеты, что ж поделать.

Марья Гавриловна. Сзади хвост юнцов. Мужчины поигрывают. Когда она проходит, репортеры строчат: «жена известного писателя Л.».

Царевна. Это у нас называется кобельки.

(Смеются. Царевна серьезна.)

Константин Иванович. Ты войди и в их положение, явишься ты в этакой шляпе гроденапль, платье цвета мов, глаза гриде-перль, брови сюра...

Царевна. Он ополоумел, совершенно! Марья Гавриловна, лечите его, где же это видано, чтобы брови сюра...

Константин Иванович. Прости, прости, виноват.

(Царевна с Марьей Гавриловной встают и говорят вполголоса Потом Марья Гавриловна выходит)

Царевна. Прощай, Константин, значит тебе от моего будет взбучка. Готовься. А теперь мне некогда. Для развлечения оставляю тебе Дальку. Займи ее. *(Протягивает руку для поцелуя.)* Если же абсолютно ничего не выйдет, сыграйте в шахматы. Далька отчаянная игрица. Сделает она тебе мат. Константин, смотри... Такой, позорный... Как это называется? В несколько ходов? Киндер... Киндербальзам?

Даля *(смеясь)*. Киндермат.

Царевна. Вот именно этот киндермат. Привет! *(Выходит.)*

Константин Иванович. Вы в самом деле такой... Чигорин?

Даля. Что вы. Я играла немного с братом, но плохо... *(Слегка стесняясь, смотрит по сторонам, как бы рассматривая комнату.)*

Даля. В этой комнате живете... вы?

Константин Иванович. Нет. Почему вы подумали?

Даля *(смутившись)*. Наверно, эти гиацинты... вы любите.

Константин Иванович. Да, угадали. *(Взглядывает на нее внимательней.)*

Даля. Так показалось. Ну, это пустяки... *(Розовеет и смеется.)* Не обращайтесь внимания.

(Минуту молчание)

Константин Иванович. Что ж, сразимся?

Даля. Право, вы меня победите... Впрочем, давайте.

(Константин Иванович ставит столик, достает шахматы и зажимает в руке по пешке)

Константин Иванович. Вам которую?

Даля. Эту.

Константин Иванович. Белые мои. *(Расставляет шахматы.)* Начинаю, Так называемый дебют ферзевой пешки.

Даля. Вы хотите меня запугать страшными словами...

Константин Иванович. Когда дурно себя чувствуешь, шахматы превосходны. В них абсолютность есть, чистота. Ничьих интересов они не задевают. Играешь — и обо всем можно забыть.

Даля *(делая ход)*. А сейчас вы играете тоже потому, что вам плохо?

Константин Иванович. Слушайте, сколько вам лет?

Даля. Двадцать. А что?

Константин Иванович. Ничего. *(Двигая фигуру.)* Молода была, зелена была. *(Вздыхая, закуривает.)* Я сейчас играю по священной обязанности гостеприимства.

Даля. Если скучно, можно бросить.

Константин Иванович. Я шучу.

(Играют молча. Константин Иванович напевает: «Звезда вечерняя-я моя» Даля обертывается к окнам и смотрит)

Даля. Мне все нравится здесь... у вас. Мало осталось таких старых, хороших домов. Сад, терраса. Какая ночь! Месяц. Если б не лампа, он отлично светил бы сюда.

(Константин Иванович встает и придвигает два стула. Потом ставит на них, рядом с ней, грядку гиацинтов)

Даля. Зачем это?

Константин Иванович *(слегка смущенно)*. Вы тоже... наверно... любите их.

Даля. Да, очень. Благодарю вас.

Константин Иванович. Продолжаем. Вашей королеве — гардэ.

Даля. Не страшно.

(Константин Иванович пристально смотрит на нее и не делает хода.)

Даля. Ну?

Константин Иванович. Я смотрю на вас... Какие у вас странные глаза.

Даля. Играйте, ваш ход.

Константин Иванович. Можно сказать вам одну вещь?

Даля *(робко)*. Говорите...

Константин Иванович. Да. *(Опять всматривается, будто отыскивая что-то.)* Глаза. На матовом лице, совсем бледном, поражающей формы глаза... Они у вас немного неправильно сделаны... приподняты углы.

(В недоумении продолжает всматриваться. Точно сейчас только разглядел и почти испуган. Даля смущена. Чтобы скрыть это, углубляется в игру и делает ход. Константин Иванович машинально отвечает на ее движение)

Даля *(оправившись)*. Вы замолчали, сразу. О чем вы задумались?

Константин Иванович. Играйте, Даля. *(Она слегка вздрагивает.)*

Даля. Извольте. Шах.

Константин Иванович. Пустое. Отступаю и спасаюсь.

Даля *(тихо)*. Нет, не пустое. *(Делая ход.)* Мат.

Константин Иванович. Мат? Невероятно. *(Вглядывается. Через минуту удивленный.)* В самом деле. Конь и королева. *(Поднимает на нее глаза. Смотрят друг на друга молча.)*

Даля *(смущенно)*. Я и сама никак не ожидала.

Константин Иванович. Удивительно, странно. Моя партия сильнее.

(Обоим неловко. Константин Иванович молча убирает шахматы.)

Константин Иванович. Это Царевна напороочила. Скандал, скандал.

II

Вечер, весна. Берег северного озера. Огромный камень, у подошвы которого поплескивает вода. Сосновый лес, вдали две дачи. Закат розовый, вода серебряная.

Лялин *(сидит на камне)*. Это и есть знаменитое озеро? Как ты назвал Су-су... забыл дальше.

Константин Иванович. Суокса. Тебе не нравится?

Лялин. Озеро хорошее, днем слишком сине. А сейчас — ничего себе. Да вообще этот край удивительный — у ваших финнов все устроено не по-человечески. Ты смотри, пожалуйста, ночи нет, белесая мгла, озеро серебряное, красноватый тон, сосны... Как будто для разных леших, русалок приноровлено.

Константин Иванович. Да, страна чудная.

Лялин. Я, положим, к этой чертовщине довольно равнодушен, а все-таки...

Константин Иванович. Не раскаиваешься, что дал себя затащить сюда? Это ведь отчасти мой грех.

Лялин. Пустое. А потом, раз Царевна решила, сопротивляться бесполезно.

Константин Иванович. Здесь у нас целая колония — все я вывез. Диалектов, мой друг, — Евдокия — ты с ней, кажется, уж знаком? Царевна тут без тебя много разнообразия вносила в нашу жизнь.

Лялин. А Далька не мешает?

Константин Иванович *(нетвердо)*. Чем же она может мешать? Она...

Лялин. Что она?

Константин Иванович. Она прекрасная.

Лялин *(смотрит сбоку чуть насмешливо)*. Ого! Держись, Константин Иванович, пропадешь не за понюшку табака.

Константин Иванович. Почему же это я непременно пропаду? Даля прекрасна, разумеется. А, может, пропадешь как раз ты?

Лялин *(хохочет)*. Я, пропаду? То есть влюблюсь? *(Соскакивает с камня и прыгает.)* Я влюблюсь?

Константин Иванович. Ты чего скачешь? Царевну же полюбил?

Лялин *(вспрыгивает обратно на камень)*. Нет, любопытно было бы меня поглядеть влюбленным!

Константин Иванович. А вот посмотрим как-нибудь, тогда узнаешь.

Лялин. Баста, обо мне довольно. Неинтересный сюжет. А ты, Константин, Иоаннов сын, — слушай: тебе сети женский предостоят. Будешь уловлен. Натерпишься! Таково мое прорицание. Dixi *[сказал (лат.); в значении: все необходимое сказано]*.

Константин Иванович *(пожимает плечами)*. Царевна идет.

(Царевна одета в легкое просторное платье с висячими рукавами.)

Лялин. Куда направляетесь?

Царевна. Возьмем с Далькой лодку, поплывем. Лодка остановится, мы будем лежать и в небо смотреть. Ах, жизнь наша жизнь! *(Слегка кружится и поводит летящими рукавами.)* Константин, скажи мне, отчего я не родилась птицей, морским чудищем? Улетела б в небо, или заплыла Бог знает куда.

Лялин. Ты и так на человека мало похожа. Например, в тебе нету стыда.

Константин Иванович. Почему же бы ей быть непременно человеком? Это вовсе не обязательно. Мало ли что на двух ногах! Разве это доказательство?

Царевна (мужу). Зачем ты лжешь, зачем говоришь, что у меня нет стыда? Вот еще мерзавец!

Лялин. Если Костя попросит, ты разденешься догола, я уверен.

Царевна. И разденусь. Что ж такого? Хотите сейчас? Тело свое я очень люблю, это верно. *(Константину Ивановичу.)* Вы понимаете, как можно тело любить? Ведь это роскошная вещь.

Константин Иванович. Грехопадения не знала!

Царевна. Какое там грехопадение! Была когда-то девушкой, теперь женщина, а тело по-прежнему великолепное. *(Рассматривает свои ноги.)* Я уверена, что правая у меня интересней левой, и нервней: иногда капризничает, злится, а то вдруг чуть не танцует. А грудь! Торс! Не понимаю я ваших грехопадений.

Константин Иванович. Где уж там!

(Приближается Даля)

Царевна. Далька, едем, а то поздно будет.

Константин Иванович. Вы тоже... полюбили ездить так.

Даля. Тетя такая милая... С ней весело. А потом сегодня... чудный вечер.

Лялин (Дале). Да вы чего смущаетесь-то? Не меня ли? Было бы глупо, простите.

Даля (смехом). Почему вы думаете? Нет, я ничего.

Царевна. Далька, будет болтать.

Даля. Сейчас. Константин Иванович, мы приедем часа через полтора, самое большее.

Лялин. Что ж он должен сделать?

Константин Иванович. Слушай, перестань!

Даля (делая усилие, чтобы не сконфузиться). Мне необходимо вас видеть.

Константин Иванович. Отлично. Буду здесь же.

Даля. Спасибо.

(Уходят)

Лялин. Ты не сердишься? Я ведь зря, ей-Богу. Празднословие одно.

Константин Иванович. Вижу. Да не важно это, право. Ах, друг *(вытягивая руки, сгибает их)*, я чувствую себя очень странно, очень необыкновенно.

Лялин. Влюбился.

Константин Иванович (*присаживается на углу камня. Тихо*). Да, люблю. Все вышло так неожиданно, удивительно! Я полюбил ее сразу. Может это быть по-твоему, что в мире есть двое, предназначенные друг другу? Тайные черты, неуловимые, открывают им это. И летит... все вверх дном, жизнь ломается, нельзя ухватиться ни за что, и ничем не остановишь. Это называется любовный рок. По-моему, Непременно так.

Лялин (*бросает камешки в воду*). И по-моему.

Константин Иванович. Могут они не знать друг друга — убеждений, взглядов, нравственных качеств... Может быть, она преступник, или я, для нас это не важно. Но все женщины должны быть ей прислужницами и не стоят ее мизинца. Все... (*хмуро*) — за исключением одной.

Лялин. Марьи Гавриловны?

Константин Иванович. Да.

Лялин. Как же этот... вопрос?

Константин Иванович. Все рушится, все! Восемь лет я был счастлив с Машей, любил нежно, а теперь... ничего. Все гибнет. Но я все же люблю ее... И Далю, и ее... вместе. (*Подходит к Лялину и кладет руку на плечо*) Ты меня понимаешь, Лялин?

Лялин. Понимаю я все. И ничего не понимаю.

Константин Иванович. Как это?

Лялин. Не переживал такого, но могу вообразить.

Константин Иванович. Не вообразишь сладости и тоски любви, восторга... чувства гибели. Никогда!

Лялин. Я писатель. Я человек холодный — все воображу, что угодно.

Константин Иванович. Ты чужак. Почему ты не любил? Зачем воображать?

Лялин. Значит, не дано. Одни разыгрывают романы, другие пишут их.

Константин Иванович. Лялька, глупый.

Лялин. Ничего не глупый.

Константин Иванович. Даля едет сейчас в лодке, по серебряному озеру. О чем она думает? Ее короткие волосы, курчавые, черные, свесились вниз — она непременно лежит.

Лялин. Вон, плывут, видишь.

(*Вдали показывается лодка. Оттуда машут платком*)

Константин Иванович. Они, они. (*Вскакивает на камень и тоже машет им. Негромко говорит: «Даля».*) Вдруг она услышит! (*Лялин тоже машет, скоро с лодки прекращают отвечать, и сама она пропадает.*)

Лялин (*обращаясь к озеру*). Ну вот, озеро Суокса, на твоих берегах завязался роман. Какой он будет, куда приведет, ты не скажешь. Ты плещешь себе, плещешь... Мало тебе дела до нас.

(Берет Константина Ивановича под руку.) Пройдемся. Смотри, как чернеют на закате сосны.

(Уходят)

(Марья Гавриловна и Евдокия. Евдокия в черной шали)

Евдокия. Сторона чужая. Солнце село — и холод. Что ж никого нет. Будто тут был Константин Иванович с этим... писателем.

Марья Гавриловна. Значит, ушли. Костя любит гулять с Петром Ильичом.

Евдокия. И мамзели гуляют?

Марья Гавриловна. Какие мамзели?

Евдокия. Да вот. Даля эта... Царевна — прозвали же, правда, как.

Марья Гавриловна. Что ты злишься все, Евдокия, что у тебя за характер? И что за выражения: «Мамзели». Даля очень милая девушка... *(Пауза)* Очень. И Царевна тоже.

Евдокия. То-то, должно быть, что слишком милые.

Марья Гавриловна. Евдокия, оставь, пожалуйста... у меня болит голова, вообще я плохо себя чувствую, а ты... все меня точишь, какие-то намеки... *(В голосе слезы, она сдерживается.)*

Евдокия *(мягче)*. Прости... у меня характер плохой, это верно. Ну, прости, голуба.

Марья Гавриловна *(смеясь, в полуслезях)*. Голуба! Какое актерское слово. Чудачка ты. Разве я актерка, Евдокия? Ты Савонарола...

Евдокия. А ты дурочка. Глупая.

Марья Гавриловна *(возбужденно)*. Ну чем я глупая? Ну скажи на милость? Что с Константином что-то происходит? Что он со мной не такой, как раньше? Думаешь, я не вижу? Просто он влюблен в Далю, по уши, обо мне забыл, я иду к какому-то ужасу — хорошо, пусть иду, что же делать? Ревновать? В обмороки падать? Да. Я горда, понимаешь, Евдокия, я хотя и ничтожная женщина, но очень горда. *(Задыхается, в слезах.)* Я ночей не сплю, но Константин об этом не знает... Он себе тает от Дали, да с Петром Ильичом, с Диалектовым разговаривает об искусстве. Отлично. А я страдаю. Пусть, он об этом все равно не узнает.

Евдокия. Скажи ему прямо. Если разнюнился — до свидания. Уедем с тобой в Одессу, ко мне, и все. А если пустяк — гнать эту Дальку.

Марья Гавриловна *(поднимая заплаканное лицо)*. Коротко рассудила. Взять и ехать. А если... А, да ты Савонарола, у тебя все просто... *(Слышны шаги и голоса.)* Идут, кажется. *(Вздрагивает, вполголоса.)* Может быть, ты права. О Господи, вот врасплох.

(Быстро смахивает слезы. Показываются Константин Иванович и Ляли)

Лялин. Любовь, по-моему, безнадежна всегда. Потому что она есть стремление к неосуществимому. Любовь, как Бог: везде и нигде. Поэтому можно томиться любовью, беспредметно, и нельзя быть счастливым с данной женщиной. Как нельзя сделать себе кумира, фетиша — и назвать Богом.

Константин Иванович. Но ведь были же воплощения? Христос, например?

Лялин. Ну... об этом я не могу сообщить тебе ничего утешительного. — Бог мой, тут дамы. Приближаемся!

(Подходят)

Лялин *(Марье Гавриловне)*. Мы с Константином, как платоники: гуляем, рассуждаем о любви.

Марья Гавриловна *(улыбаясь насильственно)*. До чего же вы договорились?

Лялин. Он мне заявил, что я нравственный урод.

Евдокия. Неглупо!

Марья Гавриловна. В чем же ваше уродство?

Лялин. Я говорил, что в молодые годы мои любви были всегда печальны: или она выходила замуж, или исчезала, или даже я не успевал с ней познакомиться. Размышляя о тех, в кого я был влюблен, я убедился, что и в благоприятном случае не мог бы на своей любви основать жизни: жизнь есть жизнь, а любовь... — *этакое (делает кругообразное движение пальцем)* — невмещающееся нечто.

Марья Гавриловна. Все-таки непонятно, за что, собственно, он вас обругал?

Лялин. Позвольте, сейчас. Из скорбного опыта я вынес взгляд — еще более скорбный, или радостный, смотря по желанию: любить из данных женщин не надо никого. Тут он меня и прихлопнул.

Евдокия. Из данных женщин никого! Посмотрю я на вас, господа — полоумные вы все. И даже мне вас жаль. Значит же, не просветила вас ни разу истинная любовь — вы и выдумываете. *(Уходит.)*

Марья Гавриловна. Я согласна с Петром Ильичом. Никого не надо любить. Все это вздор. Жизнь — обман, ложь. Любовь — так же. Значит, прочь ее.

Константин Иванович *(берет ее за руку)*. Мари, что с тобой? Мари, успокойся, ты дрожишь...

Марья Гавриловна *(смотрит на него долгим взглядом)*. Ничего. *(Опускает голову и, видимо, подавляет себя.)* Ничего, милый, я спокойна и весела... Видишь? *(Улыбается.)*

Лялин *(медленно отходит к озеру)*. Еще союзница!

Константин Иванович. Мари, Мари, нам надо говорить подробно, много, милая Мари, так нельзя...

Марья Гавриловна *(кратко)*. Зачем нам говорить, мой друг? Живите, поступайте, как вам нравится. Будьте собой. Я не помешаю вам. Я бываю резка... простите... Это усталость. А сейчас идите домой, с Петром Ильичом. Получена почта, газеты, письма.

Константин Иванович. Нет, мы еще будем говорить.

Лялин. Газеты? Костя, идем. Мне писем нет?

Марья Гавриловна. Есть (*Константину Иванычу*). Идите, я сейчас.

Константин Иваныч. Почему же ты не хочешь вместе?

Марья Гавриловна. Я сию минуту приду.

Константин Иваныч. Не запаздывай же.

(Мужчины уходят. Марья Гавриловна сидит молча, потом ложится на прибрежный камень Рыдает долго, глухо. Плечи ее вздрагивают.)

(Вдоль берега пробирается Даля. Заметив фигуру на камне, насторожилась)

Даля. Константин Иваныч!

(Марья Гавриловна подымает голову. Увидев Дале, садится. Даля вскрикивает)

Марья Гавриловна. Это я. Константин дома.

Даля. Простите, я помешала.

Марья Гавриловна. Нет, ничего. Присаживайтесь. *(Даля вздыхает и садится.)* Нынче вы, кажется, катались с Царевной. Хорошо было? Не холодно?

Даля. Нет, прекрасно.

Марья Гавриловна. Отчего же сейчас вы так бледны? Или волнуетесь? *(Слегка насмешливо.)* Не нашли чего-нибудь?

Даля. Нет... Стало сыро... над озером туман...

Марья Гавриловна. Туман! *(Вдруг странно смеясь.)* А я знаю, отчего вы бледны.

Даля *(робко)*. Да?

Марья Гавриловна. Догадайтесь.

Даля *(вспыхивает)*. Я ничего не понимаю, Марья Гавриловна.

Марья Гавриловна. Будто? А я думаю... *(Жестко смеется.)* Я думаю, — вы влюблены. Стоит только взглянуть на вас.

Даля. Может быть.

Марья Гавриловна. Желаю вам счастья.

Даля. Благодарю. *(Тихо.)* Может быть, я люблю. Что же тут удивительного? Да, я люблю... И мое сердце не может быть иным, чем оно есть.

Марья Гавриловна. Вот я и желаю вам счастья в любви. В этом тоже нет ничего удивительного. Тем более, что и тот, кого вы любите — любит вас.

Даля. Станный разговор!

Марья Гавриловна. Да? А по-моему, нисколько не странный. Потому что мне за тридцать лет, и я привыкла ничему не удивляться. *(Сдерживаясь, но видимо горячась.)* Я нисколько не удивляюсь, что Константин полюбил вас. Так надо.

Даля. Марья Гавриловна!

Марья Гавриловна. Ничего, ничего, все прекрасно. Вы великолепная, молодая, Даля, у вас черные глаза, грудь девическая — сила на вашей стороне. Побеждаете вы — уже победили. Нас больше нет. Мы раздавлены. Но и не надо, торжествуйте, пусть!

Даля. Марья Гавриловна, я никого ни у кого не отнимаю, я не знаю, о чем вы говорите... *(Волнуясь.)* Но в чувствах своих я никому не могу дать отчета, и изменить их не могу... также.

Марья Гавриловна. Я никакого отчета не требую. *(Смеется тяжело.)* Я поздравляю и желаю счастья.

Даля *(встает)*. Так разговаривать нельзя.

(Марья Гавриловна поднимается также и подходит вплотную Усталым, тяжким взглядом смотрит ей в глаза)

Марья Гавриловна. Я не сужу и не язвлю никого. Все так должно быть. Любите. Любовь благословенна. Но... сейчас перед вами темный призрак — я. Когда пройдут золотые часы, вспомните о нем. Я не хотела быть тем, чем являюсь — но теперь я старая седая ворона, над перекрестком вашего счастья я каркаю вам. Каркаю горе, ужас. И не знаю, для чего это нужно, но выходит так. О, знайте, пролетит радость, душу вашу тот же мрак возьмет, что и мою, тот же. Так же разлюбят вас, так же все погибнет, и вы не будете знать, где спасение. Знайте, знайте!

Даля *(отступая)*. Боже мой, за что?

Марья Гавриловна. Ни за что. *(Прислоняется к камню.)* Так. *(Стоит в позе растерянной и мучительной. Потом подносит руки к глазам.)* Зачем... я затемняю счастье девочки? Бог мой, тяжело. К чему, к чему? Слабость, ничтожество. *(Удаляется.)*

(Входит Константин Иванович)

Даля. Наконец... вы.

Константин Иванович. Вы искали меня?

Даля. Да... И здесь, несколько минут назад...

Константин Иванович. Вы были уже тут?

Даля *(вздыхнув)*. Да. Тяжело вспоминать об этом. Я разговаривала с Марьей Гавриловной.

Константин Иванович *(вздрагивая)*. С Марьей Гавриловной! О чем же?

Даля. Дорогой Константин Иванович. *(Берет его за руку)* Ну скажите, милый, правда, этого не будет... что она сказала?

Константин Иванович. Что ж она сказала? Даля, не мучьте меня.

Даля. Марья Гавриловна знает, что мы любим друг друга. Она предсказала мне несчастье. *(Опустив голову.)* Такое же, как у ней... Ах, этого не может быть... ведь правда?

Константин Иванович. Мари знает!

Даля. Константин, ты разлюбишь?

(Константин Иванович смотрит на нее пристально. Потом садится у ее ног. Голову прислоняет к ее коленям.)

Константин Иванович. Я разлюблю тебя, Даля? Даля. Да, ты все думаешь о ней...

Константин Иванович. Тебя я не разлюблю. Ты моя, мне наречена. Ты каталась нынче в лодке, а я думал о тебе. Ты лежала, наверно, и твои черные волосы... кудреватые, милые, склонялись к воде. Даля, я люблю тебя всю. Навсегда, без меры, смертно. Ты являешься мне во сне. Я просыпаюсь, и днем живу тоже сном. Смотрю в одну точку, и ты приходишь. Я веду с тобой беседу, мозг туманится, никнет, я начинаю понимать, что такое сумасшествие. Но сумасшествие дивное, Даля...

Даля *(тихо)*. Ведь ты любишь. У тебя... жена.

Константин Иванович. Да, любил, люблю, может быть. Может быть, все гибнет и будет разметано, вот я лежу у твоих ног... Скажи — не останется камня от моей жизни. Даля, я люблю тебя, люблю.

Даля. Пойди сюда, Константин. *(Медленно, явственно.)* Ты меня любишь. Так. *(Молчит. Потом встает, обнимает сверху обеими руками и припадает)* Вот тебе я. Я никого до тебя не любила — все несу тебе. Возьми, Константин, унеси меня далеко, куда знаешь... Я твоя вся, вся. Милый, Константин, милый, чудный.

(Константин Иванович стоит с ней несколько секунд, потом легко подымает и несет к лесу)

Константин Иванович. Моя звезда! Мое сияние!

III

Серый день, близки сумерки. Стеклянная терраса дачи. В балконную дверь видна гостиная с роялем.

(Накрыт чайный стол, за ним Лялин, Диалектов и Константин Иванович)

Диалектов *(наставительно грозя пальцем)*. Эти ваши кабаки, разные рестораны, кутежи я ненавижу. Если вы писатель, так работайте, а если дрянь какая-нибудь, болтун, так нечего заниматься литературой. Это, знаете, все слабость, распушенность. Я бы таких писателей...

Лялин. Что ж, и в «Прагу» сходить нельзя?

Диалектов. Я там ваших «Праг» не знаю, не был и никогда не пойду. Мне незачем. Я не знаю даже, что такое «Прага».

(Константин Иванович смеется.)

Лялин. Прага — это город. «Злата Прага», столица Чехии.

Диалектов. Нет, судя по вашим словам, это какой-нибудь известный ресторан. Да мне безразлично. Я говорю, что писатель не может растрачивать силы зря. Это преступно.

Лялин. А я люблю хороший ресторан, виноват. Зима, а там цветы, синий ковер, электричество, оркестр. А шампанское! «Все твое, о друг Аи».

Диалектов. Да, я знаю это стихотворение! Там гораздо лучше сказано: «И покрыл туман приветный твой озябнувший кристалл». А потом — что вы извиняетесь? Я вам ни простить, ни не простить не могу, потому что вы мне не брат, не сын, никто. Я и не про вас говорю. Это губит талант, вот что.

Лялин. Хорошо вам над книжечками сидеть и изучать умные вещи — а мы иной раз и скиснем. Ну, и заломись. Впрочем, я сам против алкоголизма.

Константин Иванович. Какой ты пьяница, Петр Ильич? Ты европеец, только вполглаза можешь. *(Улыбаясь, насмешливо-грустно.)* Лялин у нас погибает из-за женской любви. Романов изобилие.

(Лялин хохочет)

Лялин. Презренный, замолчи!

(Диалектов с недовольным видом встает.)

Диалектов. Теперь примутся за любовь.

Константин Иванович. Он уходит. Достаточно произнести это слово. Ах, Диалектыч, жизнь ваша ясная!

Диалектов *(пожимает плечами).* Моя жизнь тут ни при чем. Да вы ее и не знаете. *(Опершись лбом о стекло террасы)* Почему вы знаете, что она хорошая?

Константин Иванович. Верно. Я и не говорю. *(Уныло.)* Никто ничего не знает, никто. Только все же мне кажется, что ваша жизнь... если и не счастлива, то ясна.

Диалектов. А мне все-таки пора.

Лялин. Да куда вы?

Диалектов. Мне Константин Иванович урок тут нашел, на одной из дач.

Константин Иванович. Он работник, честная голова. Успеете, Александр Григорьевич, а?

Диалектов *(смущенно и кротно).* Пора. Мальчик ждать будет.

Константин Иванович. Ну, ну.

Лялин. А меня вы анафеме не предавайте. Я постараюсь поправиться к следующему разу.

Диалектов *(безнадежно машет рукой).* Что с вами поделаешь!

Лялин *(ходит взад, вперед, руки в карманах).* Этот Диалектов очень мил. Очень. Чем он собственно занимается?

Константин Иванович. Философ. Получил в университете медаль, будет оставлен.

Лялин. Так. То-то он против водки. *(Остановившись, как бы в задумчивости.)* Все же он наших слабостей не знает; нет, не знает.

Константин Иванович. Мало русских спивается? Писателей.

Лялин. Это так... да это не важно.

Константин Иванович. Слушай, Лялин, я сегодня плохо себя чувствую, так вот ты бы меня занял... Расскажи что-нибудь. *(Кладет голову на стол, подпирая руками.)* Расскажи про писателей, как ты работаешь, что тебе хорошо, что плохо. Про Ахиллесову пяточку расскажи, и так далее.

Лялин. А тебе отчего плохо?

Константин Иванович. Это другое дело. Не хочется говорить.

Лялин. Хорошо-с. Будем увеселять тебя. Жаль, что я не Отелло, венецианский мавр, и мало могу рассказать интересного. Константин Иванович. Ничего, рассказывай. Лялин. Что же рассказывать? Многое тебе известно. Да и что такое моя жизнь? Шоссе! Знаешь ли ты, что со мной ничего не случилось! Ни-че-го! Другие борются, кипятятся, страдают, — вообще устраивают кавардак. Влюбляются, делают глупости. Ты можешь прочесть об этом в такой-то и такой моей книге. А я... я собственно ничего не делал. Что же рассказывать. Я писал. Повидимому — порядочный писатель. Этого не отрицаю, иначе бросил бы. Но что такое я сам... вообще? *(Улыбается.)* Нуль. Скучнейший тип. И расписывать мне нечего.

Константин Иванович *(горько)*. Лялька, Лялька, скушал ты себя! Расскажи про литературу.

Лялин. Можно. Кажется, тут получше. *(Подходит к стеклу террасы и чертит пальцем.)* Вот что я скажу: писателю плохо не от ресторана — так думает Диалектов. А от другого... от самого себя.

Константин Иванович. Это как?

Лялин. Верно. Особенно сейчас, в наше время.

Константин Иванович. Не понимаю.

Лялин. Пишут все себя. Раз написал, два, три... как будто и довольно. Оказывается — нет. Взялся за новую вещь, — опять твое ухо выглядывает. Слова твои, наклоны речи твои. Вот тебе и раз! Бездарность страдает, что Господь не дал ей лица, а тебя от собственной физиономии мутит.

Константин Иванович. Люди вы отвлеченные, у вас и отвлеченные страдания.

Лялин *(прохаживается)*. Наговорил бы еще, да ты злишься, я вижу. Тебя раздражает, что мы на стену лезем не из-за любви.

Константин Иванович. Из-за пустого. Раздражает!

Лялин. Что делать. Каждый свою задачу решает. Кому жизнь — жизнь. Устраивай ее. Если писанье, — старайся хоть писать сносно.

Константин Иванович. Теперь хорошо сказал. «Если жизнь, то устраивай ее». Темнейшая вещь! Поди, устрой с достоинством, реши противоречия. — Задача!

Лялин. Вот уж тут я мало сведущ. Вероятно, действительно, трудно.

Константин Иванович (*раздраженно*). Ты ребенок, Лялин; просто ты малое дитя, и сидишь со своими мечтаниями, черт тебя возьми. Тут десяток людей в петлю полезет, а он ма-ло све-дущ! Кикимора ты... А-а, Лялька... (*Машет рукой.*) И говорить не хочется.

(*Лялин разводит руками Вид у него недоуменный*)

Лялин. День жаркий. С двух сторон я наказан ни за что. (*Уходит,*)

(*Некоторое время Константин Иванович один.*)

(*Из сада выходит Евдокия.*)

Евдокия (*пробуя рукой самовар*). Застыл. (*Константин Иванович сидит, насупившись. Евдокия наливает чашку.*) Хотите? Стакан найдется, но жидко.

Константин Иванович. Где Мари?

Евдокия. Дома.

(*Молчат.*)

Евдокия. Мы ходили за черникой. Все пальцы синие.

Константин Иванович. Почему же Мари не идет?

Евдокия. Значит, устала. (*Пауза.*) Завидую я мужчинам.

Константин Иванович. Почему?

Евдокия. Жизнь у них приятная.

Константин Иванович. Да? (*Фыркает.*) Не нахожу.

(*Евдокия закуривает и смотрит упорно.*)

Евдокия. Приятнейшая жизнь. В высшей степени усладительная. Полюбил, сошелся. Разлюбил — бросил. Одному скучно, за углом другая; хочешь молоденькую — молоденькая, хочешь невинную — невинная. Живи не хочу. И в Турцию не надо, все можно домашними средствами.

Константин Иванович. Евдокия, у вас совершенно круглые глаза, и презлые. Хотел бы я знать, умеете вы любить? Кажется, мучить — единственное ваше дело.

Евдокия. Любить вам предоставлено. По этой части вы специалисты. Вы полюбите, Лялин про это попишет. Вот все отлично и устроится.

Константин Иванович. Евдокия, вы... несмотря на то, что очень... честны, ничего не понимаете.

Евдокия. Где уж нам.

Константин Иванович. Нет, не «где уж», а именно должны понимать. Если «где уж нам», так нечего язвить. Сидите и молчите. А коли судите, — знать должны, кого, за что, и кто в чем виноват.

Евдокия. И знаю. Ага, начистоту — извольте. Я сужу вас, Константина Ивановича, и осуждаю, во-первых, за то, что вы истинную, великую любовь, которую вы, по вашим словам, питали к Маше, в состоянии променять на первую попавшуюся девчонку только потому, что она молода.

Константин Иванович. Как вы можете говорить...

Евдокия. Могу. И буду. Я Машу с детства знаю, и люблю, как дочь, она вам жизнь отдала. *(Задыхаясь)* Вы будете ее на кусочки резать, а я должна одобрять, поддакивать? Маша была глупа, слишком за вами ходила. Это сделало из вас Бог знает что, вы заняты только собой, вам безразлично, что с ней происходит.

Константин Иванович *(багровея, вскакивает)*. Ложь! Не смейте так говорить. Не имеете права. Вы не можете сказать, что я не люблю Машу, что я издеваюсь над ней. Это неправда, вы знаете. Если б это было так, все было бы легко... просто. А это мука — больше месяца живу я на углях; разве вы не видите... Но нет, вы, конечно, не видите... какое вам дело до человека? Вы знаете, что муж должен любить жену и жить с ней — больше вам ничего не надо. Жить так, как вы считаете — очень прекрасно, но не так легко, Евдокия. Это очень трудно, почти невозможно. *(Передохнув, спокойнее.)* Вы издеваетесь, говорите, что я устроился «усладительно». Это же неверно. На кого я похож? Разве я сплю? Я мучительно думаю, Евдокия, мучительно — и до сих пор не нашел ничего... Впрочем, нет... Одно нашел, но это слишком, слишком... А так продолжаться не может. Сегодня, завтра все решится. Больше нет сил. Что будет — будет. Не минуешь.

(Садится устало и подпирает голову руками.)

Евдокия. Если вы серьезно, то дело ясно. Решайте, кого вы любите по-настоящему. Или Маша, или та...

Константин Иванович. Я люблю обеих. И по-разному. Сам не знаю кого больше.

Евдокия. Непонятно!

Константин Иванович. Вы и не можете понять. Оттого накричали.

Евдокия. Адюльтера я не признаю. Да, не понимаю адюльтера.

Константин Иванович. А-а, адюльтера! Дело не в том. Дело совсем в другом. В очень, очень печальном, Евдокия.

(За стеклянную дверь, в гостиной появляется Царевна Константин Иванович ее не видит. Она разбирает ноты у рояля)

Евдокия. Вы бы с ней вот посоветовались о своих делах. Отличная советчица.

Константин Иванович. О ком вы говорите?

Евдокия. Да вон, ходит, сейчас, наверно, играть начнет. Она вам о чем угодно может... хоть о любви втроем.

Константин Иванович. Пустяки вы рассказываете, Евдокия. Так, от раздражения... Какая там любовь втроем? Нет, бросьте. Если вы на каплю порядочно относитесь к нам, к Мари и мне, скажите, как бы вы поступили на моем месте?

Евдокия (*холодно*). Если вы говорите правду...

Константин Иванович. Допустим.

Евдокия. Если любите одинаково обеих... То выход один.

Константин Иванович. Ну?

Евдокия. Оставить обеих.

Константин Иванович. То есть как оставить?

Евдокия. Так. Покинуть. Единственный способ... остаться чистым... пред собой, пред ними.

Константин Иванович. Ах да, так... Понимаю. (*Молчит.*)

Евдокия. Это, может быть, ригоризм, но — необходимый.

Константин Иванович (*как бы про себя*). Какое совпадение... мыслей. (*Улыбается.*) Да, маленький ригоризм. Так, маленький.

(*Евдокия сходит в сад. Настает вечер Он прохладный, с золотой каемкой на закате. Константин Иванович молча курит.*)

Константин Иванович. Суд приближается. О, тоска! (*Встает и ходит.*) Сколько времени давит меня это. Дни идут — каждый приносит свой груз. Но скоро, скоро. (*Пауза.*) Тогда, в лесу, я узнал Далю — ее существо, молодое, чудесное, слилось с моим. Казалось, нет ничего, кроме нас... минуты. Безгрешна любовь, светла, она зальет все. Но это неверно. Велики связи с Машей, у них громадная власть, правда громадная. Когда живешь ровно, это временами чувствуешь слабее, но стоит подойти... такому... Я люблю ее медленной, глубокой любовью. Восемь лет... Мы вросли друг в друга... (*Снова садится.*) Ужасно повернулась жизнь. Ужасно. Загнан, затравлен. Неужели и есть... и осталось одно... что в бессонные ночи приходило в голову... и жутко было — старался отогнать. А сегодня Евдокия... «Остаться чистым»... Как она угадала? Ах, тоска!

(*Сжимает голову руками и покачивается, как от сильной боли. Из дверей сбоку показывается Марья Гавриловна. Она сильно похудела и бледна. Молча она проходит мимо, легко, бесшумно, и сходит в сад. В небе тонкий месяц. Часть балкона он одел узором*)

Константин Иванович. Мари!

Марья Гавриловна (*останавливаясь*). Да?

Константин Иванович. Пойди сюда, Мари, скажи мне.

(*Марья Гавриловна приближается.*)

Марья Гавриловна. Что сказать тебе, друг?

Константин Иванович. Мари, дорогая... *(Берет ее руку, целует, прижимает к сердцу.)* Мне так плохо, тяжело. Я не знаю, что со мной... но это ужасно. Жизнь смешалась, спуталась. Наваждение над нами какое-то.

Марья Гавриловна *(застенчиво снимая пушинку с его костюма).* Я знаю, Константин, все... *(Улыбаясь, печально.)* Потому что слишком люблю тебя.

Константин Иванович *(припадает к ней).* Спаси ты меня, Мари. Спаси. Выведи из топи, не дай сгинуть. Ты прекрасная, чистая, вооруженная любовью, жизнь моя светлая, подай руку... Укажи. Или не знаешь? Но твоей белой душе видно все. Мари, Мари.

Марья Гавриловна. Что отвечать? Константин, как сердце тебе скажет... совесть. Я тебя знаю. Не скажет душа дурного. Делай по сердцу. Меня... не считай. На твоей дороге я не стану. *(Кладет ему руки на плечи и смотрит прямо в глаза.)* И один тебе мой завет.

Константин Иванович. Ну?

Марья Гавриловна. Такой завет тебе: выше счастья. Понял? Моего... всякого. Ничего не бойся. Будь свободен. Это — все. А теперь... пусти. Я уйду. *(Пауза)* Мне так тяжело, что едва я нахожу силы говорить. Минута — начну реветь... нет... прощай. *(Убегает.)*

Константин Иванович. Мари, куда ты, дорогая! *(Марья Гавриловна скрывается. Он сидит в задумчивости.)* Выше счастья. Вот ее правда. Как ясно! Значит, Евдокия права... Но как я ее люблю, Бог мой, а Даля? Ах, все темно, темно, ничего нельзя понять. Я с ума сойду.

(Царевна наигрывает на рояле и поет: «Есть остров на далеком океане...» Потом, встав из-за инструмента, приближается, напевая.)

Царевна. Кто-о ту пе-сню слышит, все позабывает... А, Константин, загрустил. Попался, Константин Иванович.

Константин Иванович *(подымает голову).* Что? Попался? Что ты говоришь тут?

Царевна. Говорю, что попался. Ну, ничего, Костя.

Константин Иванович. Ты понимаешь, Царевна: выше счастья? Понятно?

Царевна *(покачиваясь, посмеиваясь).* Нет, не понимаю. Просто взяли Константина, окрутили, оплели, и лежит он пленничком. Хочешь, расколдую?

Константин Иванович. Вздор, Царевна, никто меня не окручивал. И ты сама... кто ты? Ты дурочка, Царевна, тебе нет до меня дела.

Царевна. Может и дурочка. Я русалка, мне ни до кого нет дела. Водная нечисть. Мне нравится взять тебя и утащить.

Константин Иванович. А дальше?

Царевна. Защекотать, утопить, над утоплым спеть песенку. Танец протанцевать.

Константин Иванович. Нет, ты глупая. Утешь меня лучше. Уйми.

Царевна (опять, как заворуженная, тихо вращается около, напевая: «Кто ту песню слышит, все позабывает».) Полюби меня, Костя.

(Константин Иванович отмахивается. Уходит)

(На террасу, разговаривая, входят из сада Дialeктов и Лялин.)

Лялин. Ах, литература. Сколько яду, роскоши, великого, глупого. Единственно из-за чего можно еще хлопотать — литература. Искусство — вообще. Когда вспомнишь, что Италия есть на свете, Данте, Рим... легче делается... Есть куда преклонить голову. Вы не были никогда в Италии, Александр Григорьевич?

Дialeктов. Нет. Мне, знаете ли, не до Италии. Двадцать пять рублей надо матери посылать, самому жить, брата готовить. Вы мне про это не говорите. Я начал с того, что мне не нравятся все эти усталости, утонченности, меланхолии... Да. Очень вам жизнь легко далась; белоручка вы.

Лялин. Может быть. Только слушайте, мне не хочется сейчас об этом. (Садится.) Я лучше вам расскажу про Рим. Хотите?

Дialeктов (покорно). Извольте.

Лялин. Вот видите, туманный месячный свет — как это идет к Риму! Когда сидишь на Форуме, у колодца Ютурны, дышишь светлым сном мрамора. Наступят сумерки. Вы сидите и слушаете, как журчит вода по зеленой плесени — та вода, что поила таинственных Диоскуров. По храму Кастора и Пол-луksа пробился клевер. Над аркой Тита сумрак — сизо-фиолетовый. В нем чернеют пинии. И уж зажгли золотые фонарики. Над Капитолием розоватые облака, огненные победы. Главное не забудьте: сон светлого мрамора, прозрачного мрамора! Еще — могучие лавры над храмом Цезаря. Глубокая, темная купа.

Дialeктов. Да, роскошно. (Вздыхает.)

Лялин. Ах, когда разожжешь душу — встанут смутные стремленья, покажется — вот взойдет к тебе неведомое. Та мечта, что всю жизнь томит. Всю жизнь ждет человек божества... и всегда в виде женщины. Но его нет, нет. Пусто внутри, сухо. Хочется отдаться человеку, чтобы сразу сгореть, но великий Сфинкс — поперек дороги: «Море колышется в своем лоне, хлеба колеблются под ветром, караваны проходят, пыль улетает, города рушатся: а мой взгляд, которого ничто не может отклонить, вечно направлен сквозь видимое к недостижимым горизонтам». Как встосковал человек!

Константин Иванович (входя из сада). Почему это встосковал? Кто здесь встосковал?

Лялин. Человек.

Константин Иванович. Почему так?

Лялин. Значит, плохо ему пришлось.

Константин Иванович. А, понимаю. Если кому плохо... я могу это понять. (Садится и трет себе виски.)

Лялин. Ты чего такой бледный? Простудился еще, ходишь в сырость Бог знает где.

Константин Иванович. Я недалеко был.

Лялин. Да что ты странный какой? Что с тобой? Не собираешься ли кого зарезать?

Константин Иванович. Нет, просто ходил, думал...

Лялин. Что ты можешь надумать? Это, если я хожу, значит, скоро буду писать. Любители высчитывают, на сколько надумает беллетрист в минуту... из дорогостоящих.

Константин Иванович. Вот, я тоже... надумал... Ничего себе. *(Заходит в дальний угол террасы, прислоняется к стене. Глаза закрыты.)* Бывало ли с тобой, Лялин, что ты стоишь на распутье... нет, на росстане — мужики называют так место, где расходятся дороги. Направо написано — убитому быть, прямо — убитому быть, налево — убитому быть.

Лялин. Нет, не приходилось. *(Грустно.)* Константин, ты на меня тоску наводишь. Что ты говоришь... и сам такой странный.

Константин Иванович. Ничего, не обращай внимания. Все к лучшему.

(Входит Даля. В первую минуту не замечает Константина Ивановича.)

Константин Иванович *(вполголоса).* Ave Caesar... *[Здравствуй, Цезарь... — лат.; из приветствия гладиаторов]*

Даля *(Лялину).* Петр Ильич, вы не знаете, где Константин Иванович?

Лялин *(вздыхает, встает).* Как не знать. Вон он забился в угол... как раненый вальдшнеп. *(Берет под руку Диалектова.)*

Лялин. Идем, Александр Григорьевич, я вам доскажу про мечту человека.

(Уходят. Константин Иванович стоит молча. Потом он выходит на середину комнаты)

Даля. Константин!

Константин Иванович. Я.

Даля. Костя, я к вам. Послушайте, нам надо говорить, надо решить, выяснить.

Константин Иванович. Да. Конечно, надо выяснить.

Даля. Почти два месяца мы близки, и все так ужасно. Я ничего не понимаю. Так не может продолжаться. Кто я? Что мне нужно? Неужели тайно от Марьи Гавриловны я должна укрывать твои ласки, любовь... Я не могу прийти к тебе, мне все кажется, что я не имею права сидеть здесь, потому что сейчас войдет она, — это ее дом, и ты — ты-то чей, наконец? Мой или ее? *(Подходит близко и берет за руку.)* Костя, помнишь тот вечер? Ты унес меня в лес. Ты говорил тогда, что весь ты, вся твоя жизнь в нашей любви. Неужели ты забыл? Боже мой, какой ты был тогда! Костя, неужели все то неправда, сон, от которого ничего не осталось? Нет, нет, не может быть. *(Падает на колени и прижимается к его ногам.)* Костя, если ты меня не любишь, скажи. Я уйду, и клянусь... не буду смущать твоей жизни. Но если... если *(встает, выпрямляясь),* ты, действительно, верен мне, то я тебя не отдам... Никому не отдам... и тогда, как бы ни было тяжело тебе, ты должен, слышишь, Константин, должен во имя себя, своей чести, достоинства — бросить старую жизнь... для любви... бесконечной.

Константин Иванович *(тихо, с нежностью)*. Солнце мое... Утреннее солнце, росное. Почему над вечером взошло? *(Усмехается.)* Зачем тебе я, старый, скучный пес? Почему не полюбила молодого? Чистого, с ясным сердцем...

Даля. Что ты мне говоришь? Константин, говори понятней, мне страшно... сердце захватывает. *(Константин Иванович еще непонятнее улыбается. Вздрагивают его губы.)* Что с тобой? Чего ты смеешься?

Константин Иванович. Я смеюсь... не над тобой.

Даля. Костя, милый, брось этот тон. Костя, я же люблю тебя. Всего тебя, все складки твоей одежды, твой пиджак, руки твои тонкие. Но решай, ради Бога... гони меня, или бери.

(Константин Иванович пошатывается, сразу перестает улыбаться.)

Константин Иванович. Гони или бери? *(Тихо.)* Да знаешь ты, что тебя я люблю до обморока. *(Замолкает, пристально смотрит на нее довольно долго.)* До обморока. *(Пауза.)* Помнишь, что сказала тебе Маша у камня?

Даля *(мертво)*. Помню.

Константин Иванович. Счастью нашему не бывать! Слышишь? Слышишь ты, Даля, которую я люблю без памяти, что нет надежды, я с ума схожу, но все гибнет, и моя жизнь, и Маша, и ты — ничего, ничего.

Даля. Константин!

Константин Иванович. Уходи, не могу. Уходи, уходи. «Выше счастья». А? Кто это сказал? Какой безумный? А-а, Бог мой.

(Даля выбегает.)

Марья Гавриловна *(входя, взволнованно)*. Костя, что с тобой? Я слышала сейчас крик, ты сидишь так странно... Кто тут был?

Константин Иванович. А? Это я кричал, Мари. Здесь была Даля. *(Безлично.)* Но теперь ее нет. Она ушла.

Марья Гавриловна. Даля?

Константин Иванович. Да, мы разговаривали.

Марья Гавриловна. У тебя дрожат колени.

Константин Иванович. Дрожат? Это удивительно. Отчего бы им дрожать? Это странно.

Марья Гавриловна. Ты волновался?

(Константин Иванович молчит.)

Константин Иванович. Ты хорошо сделала, что зашла... вот теперь... ко мне. Сядь здесь. Мне надо говорить с тобой.

Марья Гавриловна *(садится, бледнея)*. Я слушаю.

Константин Иванович. Да. Пора мне сказать все. Ну вот, Мари, ты знаешь, как тяжело нам было последнее время.

Марья Гавриловна. Да. С марта.

Константин Иванович. С марта. В этом месяце — будь он благословен, или проклят, в этом месяце я полюбил, Мари. Кого — ты знаешь. И началась эта... мука. Счастье — мука. *(Марья Гавриловна тихо дрожит, стараясь сдерживаться.)* До тех пор ты одна была в моем сердце. Как нежно, светло любил я тебя! Но значит, так назначено. Мне, тебе, ей... Должны мы понести печаль. Самую горькую, Мари, самую горькую. Долго я страдал. Меня влекло к тебе, к ней. Наконец... *(закрыв лицо руками)* не стало сил терпеть. Сегодняшний разговор с тобой — все о том же. Я вышел в лес. Месяц светил. Озеро лежало в его свете, — туманное, мерцающее. То озеро, у которого мы с ней любили. Месяц, сиявший над нашей с тобой любовью. Я вспомнил твои слова: «спроси у своего сердца». Я услышал его в ту трудную минуту. Все стало ясно, твердо во мне. И сейчас я как каменный. То же, то же решение...

Марья Гавриловна *(встрепенувшись)*. Решение? *(Чуть слышно.)* Каково же оно?

Константин Иванович. Я вернулся. Даля ждала меня. Как почувствовал я ее любовь!

Марья Гавриловна. Что же... дальше?

Константин Иванович. Я сказал ей, что люблю ее *(Марья Гавриловна опирается рукой о стол)*. И потом я сказал, что все у нас кончено... Слышишь?

Марья Гавриловна. Да.

Константин Иванович. И теперь я должен говорить с тобой.

Марья Гавриловна. Так... понимаю. *(Делая над собой усилие.)* Говори.

Константин Иванович. О том, что и с тобой — конец. Я расстанусь с тобою... навсегда.

Марья Гавриловна. Со мной? *(Пересиливая себя.)* Да, конечно, ты прав... *(Молчание.)* Ты совершенно прав. *(Быстро ходит взад-вперед, сжав руки.)* Очень хорошо, отлично. *(Как бы про себя, вполголоса, быстро. Кусает губы.)* Он не мог иначе. Он мучится. Любит обеих. Рвет с обеими. Да. Так сказала сердце. Конечно, иначе нельзя.

Константин Иванович. Я еду в Петербург. Дня на два. Потом вернусь. Договорим.

Марья Гавриловна. Уже уедешь? Ага. *(Вдруг лицо ее делается бессмысленным, как в бреду.)* Поезжай, да... Константин, что со мной? Где ты? *(Протирая глаза.)* Я ничего не вижу.

Константин Иванович. Я здесь.

Марья Гавриловна. Константин, ты еще не ушел? *(Бросается к нему, хватая за руки.)* Константин, это ты? Что случилось? Я ничего не понимаю. Ну да, там честь... душа — но ведь ты мой. Почему ты вдруг стал говорить со мной, как с чужой, какие-то фразы, куда-то уйдешь, кого-то любишь... Это неправда, этого быть не может, я не верю. Костя, ты мой, это же невероятно, ты ведь любишь меня? Ты сам сказал. Ты полжизни любил меня. Где ты? Это сон, проснись. Костя, спаси меня, я не знаю, что со мной делается, я терпела, терпела все эти проклятые месяцы, я рыдала по ночам, я сегодня говорила через силу, а сейчас не могу же больше... Не могу. Умру. Спаси, Костя. Ты один. *(Константин Иванович наливает воды.)*

Проходит минута, две. Марья Гавриловна пьет, слабеет. Оседает на стол.) Теперь лучше. Ах, я устраиваю-таки истерики. Бабья порода. Бабья порода! Константин, не брани меня.

Константин Иванович. Что ты говоришь, Мари!

Марья Гавриловна. Ничего. Так. Я теперь лучше соображаю, опять. Ты меня бросил. Ты прав. Ну хорошо. Но ты и ее бросил. *(Стараясь улыбнуться.)* Что ж удивительного, что ты меня бросил? Я же это знала. Давно знала, еще с весны. Еще с того дня. Что ж это я? *(Молчит, дышит тяжело.)* Ах, Константин, жжет... Милый, Костя... горит... горит все внутри, как железом жжет... Прости меня, я ничтожная, я тебя мучаю напрасно, все равно ничего нельзя поделаться, но ведь ты один был у меня... Костя, пойми. Вся жизнь на тебе, все... и сразу. *(Делает рукой жест, будто обрубая что-то.)*

Константин Иванович. Мари, прощай! *(Сбегает в сад.)* Через два дня.

Марья Гавриловна. Через два дня. Через два дня. Ушел. *(Стоит неподвижно)* Константин! Костя!

IV

Город. Зимний тихий день. Сквозь огромное окно комнаты виден сад. За ветвями купол.

(Константин Иванович худой, угловатый, ходит взад-вперед. Глаза воспалены, точно в жару, горло завязано. С грудой книг сидит Диалектов.)

Диалектов. Вот... принес вам Соловьева.

Константин Иванович. Благодарю. *(Хмуро, почти недружелюбно.)* Аккуратность ваша велика.

Диалектов. Нет, я очень запоздал. Может быть, Соловьев был вам нужен? Это страшно нехорошо, что я задержал его. *(Качает головой неодобрительно.)* Ужасно.

Константин Иванович. Как живете?

Диалектов *(кашляет).* Плохо. Бессонницы, головные боли.

Константин Иванович. Что же вы, лечитесь? Вы совсем молоды, нельзя так себя запускать.

Диалектов. Все равно. Если умирать, значит, надо. Не верю я ни в какие помощи.

Константин Иванович. Вы так молоды. Как не стыдно. Вам надо жить, трудиться... Вы же сами... знаете.

Диалектов. Я все знаю. Тут нечего мудрить. Пока двигаюсь, буду над книгами торчать, а умру, свезут на кладбище.

(Молчат. Константин Иванович все с тем же напряжением ходит из угла в угол.)

Константин Иванович. Жизнь идет — мимо вас. В ней чувства, радости, тягости, но все мимо, все мимо и ваши годы проходят, а вы и не знаете даже об этом.

Диалектов. Пусть проходят. Я знаю, для чего живу. Нужен мой мозг — я его и отдам. А, знаете, любви и прочее... этого мне не надо. Презираю я папильонов. К чему это? Вот

хоть бы Лялин. Писатель он, даже с талантом... а у него нет этого... Я не знаю, как выразить. Наверно, он фрак надевает, когда едет на обед.

Константин Иванович. Так можно и Пушкина закатать. Диалектов *(блаженно улыбаясь)*. А-а, нет, Пушкин не то. Пушкин дивный!

(За дверью шум. Спрашивают: «Можно?» Входят Лялин и Царевна.)

Царевна. Насилу нашли. Заберется же человек в такую глушь.

Лялин. Он теперь анахорет, ему так полагается. Да никак ты болен?

Константин Иванович. Пустяки. — А здесь тихо... нет гостей...

Царевна *(Лялину)*. Слышишь? Это он про нас.

Лялин. Но ведь нас трудно смутить. Мы и в ус не дуем.

Константин Иванович. Мы только что бранили тебя, Лялин.

Лялин. Привычно.

Диалектов. Прощайте, Константин Иванович.

Константин Иванович. Спасается!

(Диалектов уходит.)

Лялин. Постой, Константин, ты на самом деле теперь один? Это правда?

Константин Иванович. Правда.

Лялин. Не верится. Вот история!

Константин Иванович. А вы... слышали и не поверили?

Лялин *(разводя руками)*. Уж очень необычно, право. Я привык и тебя и Марию Гавриловну как-то вместе считать, называть одним именем.

Константин Иванович. Теперь отвыкнешь.

Царевна. Где же Далька?

Константин Иванович. Ее нет здесь.

Лялин. Где же она?

Константин Иванович. Уехала.

Лялин. Надолго?

Константин Иванович. Не знаю. Кажется, совсем.

Лялин *(Царевне)*. Видишь? *(Качает головой.)* Пойми их тут.

Константин Иванович. Ничего непонятного. Ни Марьи Гавриловны, ни Дали в жизни моей нет. И не о чем говорить.

Царевна. Я понимаю его. Он один. Даже завидую. Все бросить, остаться вольным...

Константин Иванович (*угрюмо*). Эх ты, Царевна!

Царевна. По-моему, бросить — просто. Мне не было бы трудно.

Константин Иванович. Тебе!

Лялин. Ах, Константин! (*Садится на диван.*) Ты меня расстроил.

Константин Иванович. Извини.

Лялин. Ты, Даля, Марья Гавриловна... Три жизни...

Константин Иванович. Будет, Петр Ильич. (*Садится, подпирает голову руками.*) Будет об этом.

Лялин. Загрустил, Константин. (*Вздыхает.*) Ну прости, больше не буду.

(*Константин Иванович неподвижен, мрачен.*)

Царевна. Константин прав. В одном только ошибся.

Константин Иванович. В чем же?

Царевна (*вдруг мягко припадает к Константину Ивановичу*). Костя, полюби меня. Милый, полюби! Мы поедem в Италию с Лялей. Ты будешь влюблен, будешь млеть, позабудешь горести. Ты рыцарь, а я дама. Я хочу, чтобы ты был с нами. Это чудесно. Милый, полюби!

Лялин. Ты полоумная женщина, Царевна.

Константин Иванович. Да. В этом роде.

(*Отворяется дверь, входит Евдокия.*)

Евдокия. Здравствуйте. Можно вас видеть, Константин Иванович?

(*Все удивлены.*)

Константин Иванович. Да, конечно. Как вы сюда попали? Евдокия. Мне нужно сказать вам несколько слов. Наедине. Лялин (*Царевне*). Мы подождем здесь... рядом... (*Выходят в соседнюю комнату.*)

Евдокия. Удивлены?

Константин Иванович. Да.

Евдокия. Не ждали. Таких, как я, редко ждут. А я взяла и явилась.

Константин Иванович. Вы пришли, Евдокия... мстить? Терзать меня, снова?

Евдокия. Это вы откуда знаете?

Константин Иванович. Так мне кажется. Впрочем — поздно. Не достанете вы меня.

Евдокия. Достать все можно.

Константин Иванович. Слишком много... *(Раздраженно.)* А-а, да вы не поймете.

Евдокия. Счастливо устроились?

Константин Иванович. Чего вы язвите? Что вам надо? Я именно то сделал, что вы подсказали. И вообще... я поступил правильно. *(Сдерживаясь.)* Не вы мне судья.

Евдокия. С чего вы взяли, что я пришла язвить вас? Неужели пошла бы за этим? Ах вы — мужчины! Только вами мир держится.

Константин Иванович. Я рад, если цель иная.

Евдокия. Да-с, иная. Я за делом пришла. От Маши.

Константин Иванович. От Мари?

Евдокия. Не бойтесь, ничего. Просто так *(указывает по направлению улицы)*, в кофейной дожидается Маша. Она послала меня. Просить разрешить прийти к вам. *(Волнуясь)*...Говорит, что если это неприятно, то не надо, но ей в последний раз — понимаете? Хотелось бы сказать вам немного... Несколько слов. Не беспокойтесь, для вас не неприятных. Вам не взволнует это нервов? Я прошу также, за нее.

Константин Иванович. Маша! Дождется. Послала вас. Как удивительно! Почему она не пришла сама!

Евдокия. Ну стеснялась, что ли, нарушить покой...

Константин Иванович *(горячась)*. Конечно, конечно... Жду. *(В волнении мнет бахромку дивана.)*

Евдокия. Благодарю-с. Извещу ее — через десять минут будет здесь. *(Идет по направлению к двери. Останавливается, обертываясь.)* Можно сказать вам еще два слова? Как это: pro domo sua *[В защиту себя — лат.]*.

Константин Иванович. Можно.

Евдокия. Я хочу вам еще сказать, что я вас все-таки ненавижу. Слышите? Правильно вы поступали, неправильно — мне дела нет. Пусть вы сделали то, что я сказала — все равно я не прощу вам Маши никогда. Никогда. Ночей бессонных, слез, горя, погибшей жизни... Никогда. Так вы и знайте. *(Выбегает.)*

(Входит Лялин.)

Лялин. Что тут такое? Царевна уехала, ее смутила эта... Евдокия. Зачем она была? Уж не покушаться ли на твою жизнь?

Константин Иванович. Все вокруг, и внутри жжет меня, мучит, Лялин. Я креплюсь, терплю... молчу. Если б ты знал... Иногда хочется, чтобы обрушилась на тебя гора — раздавила бы грудь,

сердце... *(Встает и ходит.)* Такое замученное сердце. Но, сидя здесь один, я могу только выть по-волчьи. Я скоро начну выть, Петр Ильич, не удивляйся. Сейчас придет Мари. Что я ей скажу? Я знаю, я поступил правильно. Если бы снова пришлось — снова сделал бы так. *(Лялин вздыхает.)* Нет, уйду и отсюда... В прежние времена ездили на войну...

Лялин *(подходит и обнимает его)*. Замучился, Костя. Уезжай. Едем с нами.

Константин Иванович. А? С вами? Нет. Вы... куда вы собственно.

Лялин. Еще не знаем. Но в хорошие места, конечно.

Константин Иванович. Разумеется. Нет, я вам не товарищ.

Лялин. Пойдем с тобой на форум, сядем вечером на «белый камень», сны вокруг нас будут, мраморы. Птицы промчатся стайкой, заря запыхает... Там, за Капитолием. Цезаревы лавры прошумят.

Константин Иванович *(улыбается)*. Все это... для счастливых. *(Лялин молчит. Как бы смущен.)* Я уж один... Как-нибудь. *(Стук в дверь. Оба вздрагивают.)* Войдите.

Лялин *(торопливо)*. Ну, я иду... Прощай, Костя; пожалуй, не увидимся. *(Быстро целует, в дверях кланяется Марье Гавриловне и уходит.)*

Константин Иванович. Мари... ты.

Марья Гавриловна. Прости, Костя. Мне... так хотелось... Евдокия сказала, что ты позволил. Я на несколько минут.

Константин Иванович. Да что, что ты... Ах, Мари. *(Машет рукой)* Враг ты мне, что ли?

Марья Гавриловна. Я не буду надоедать. Хотела еще взглянуть и сказать... *(Заминается.)*

Константин Иванович. Говори.

Марья Гавриловна. Я не знаю, уместно ли... Может быть, ты поймешь так, что я залезаю в душу... Касаюсь больного *(переводя дух)*, важного. Но так как я тебя любила... и люблю сейчас, еще нежнее, но более по-матерински, то, может быть, и имею право...

Константин Иванович. Ты... все — можешь.

Марья Гавриловна. Так вот. *(Пауза.)* Мне теперь виднее. Я так... ясна сейчас, так ясна. Все мысли о тебе: твоей жизни, счастье.

Константин Иванович *(глухо, сдерживаясь)*. Моего счастья нет. Оно... было. А потом, помнишь, ты сказала мне: выше счастья? Зачем поминать о нем теперь?

Марья Гавриловна. Я теперь сомневаюсь. Вдруг ты живешь так потому, что я... тень моя тебя связывает? Может быть, с Далей нужно тебе жить, дать ей, себе, большое счастье-глубокое счастье... любви. Если так, Константин, то... ты не должен обо мне думать. Ты обязан тогда — понимаешь? жизнь свою не портить. Свою — ее. Это ж ужас, если насилие. Если ты душишь себя *(с жаром)* — этому нет прощенья...

Константин Иванович. Я? Душу? *(Кусает губы, точно удерживаясь от крика.)* Я, Мари, ничего. Я ни душу, ни не душу. Я живу... вот... Как могу. И... иначе нельзя... существую в этой

комнате, ну... и не знаю, сколько еще просуществую, но я, т. е. меня... *(Вдруг пронзительно.)* Но меня душат, Мари, пойми, я задыхаюсь, я истекаю кровью в этой берлоге и ни туда, ни сюда. А-а, Мари, вот ты пришла, это хорошо и ужасно, но крикну хоть тебе, Мари, которая была всех мне дороже — как ужасно — умирать! Гибнуть, хотя живешь, жить, пойманным в капкан. Ведь вы обе... обе женщины мои дорогие. И никогда... *(Марья Гавриловна делает шаг вперед.)*

Марья Гавриловна. Константин!

Константин Иванович. Да, да, ничего нельзя сделать, все безнадежно. Вы две. Примирения нет. В вас я, в обеих, — когда нет вас, я гибну. *(Садится на диван, закрывает глаза.)* Иди, Мари. *(Тихо.)* Ты прекрасна, благородна... как всегда. Но сделать нельзя — ничего. Иди. Забудь и... прости. Виноват во всем я. *(Марья Гавриловна быстро и бесшумно выбегает. В дверях приостанавливается и взглядывает на него.)*

Марья Гавриловна. Я люблю тебя страшно, страшно! *(Исчезает.)*

(Константин Иванович долго лежит, потом медленно и устало встает, как бы разбитый.)

Константин Иванович. Тихо. Все ушли. Явились мне, как горькие видения... бывшего мира. Безразличные, страшные, светлые. Но все... призраки. Время поглотит вас. *(Пауза.)* Больше вы не вернетесь. Тут *(берется за грудь)* — похоронены все. Лишь тебя недостает еще, черноглазый ребенок, пришедший там — на весенней заре... *(Ходит молча.)* Даля! Слышишь ли?

(Наступают сумерки. Бледно-синеющий тон одел все. Тихо. Константин Иванович садится и закрывает глаза)

Значит, так надо было. Надо мне было отнять счастье у всех, двух дорогих женщин — чтобы погубить и себя. Значит, нужно. *(Пауза. Далее, как бы сквозь сон.)* Всю тебя вижу. До последнего изгиба. Озеро, лес. Заря. Крик твой последний. *(Встает, резко.)* Чем искупить мне, как? Слезы твои чем залить?.. И... Машино горе. *(Снова ходит из угла в угол.)* Жизнь моя, любовь — прощай!

Комментарии

Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1909. Кн. 11. Печ. по изд.: Собр. соч. Кн. 2. Сны. Рассказы. Берлин; Пб.; М., 1922.

...достать... Соловьева. — Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — поэт, философ, критик, публицист; кумир крупнейших представителей русской культуры Серебряного века.

Чигорин Михаил Иванович (1850—1908) — основоположник русской шахматной школы, чемпион России в 1899—1906 гг.

Вашей королеве — гардэ. — Гардэ (фр. gardez — берегите) — устаревший шахматный термин, означающий предупреждение о нападении на ферзя.

Ты Савонарола... — Джироламо Савонарола (1452—1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, прославившийся проповедями аскетизма и выступлениями против гуманистической культуры (организовывал сожжения произведений искусства). Был отлучен от церкви и казней.

...та вода, что поила таинственных Диоскуров- В греч. мифологии Диоскуры — Кастор и Полидевк (у римлян Кастор и Поллукс), сыновья-близнецы Зевса.